

ПАНОРАМА

СЛОВО РЕДАКТОРА

Лауреатами газеты «Кубанский писатель» за 2016 год стали:

ПРОЗА

Номинация «Мастера»:

Нелли Василюхина «Памяти долгое эхо», эссе о кубанских писателях (КП№6), «Осталось между стихотворных строк...», воспоминания о Валерии Горском (КП№12)

Сергей Тимшин «Два дня в Донецке в лето 2016», путевой дневник (КП №9-10)

Людмила Бирюк «Кто умеет ждать», рассказ (КП№11)

Номинация «Надежда»:

Валерий Миронов: «Город, которого нет», рассказ-путешествие (КП№1)

Елена Неподоба «Неслучайность наша на земле», очерк о Вадиме Неподобе (КП№2)

Ирина Иваськова «Белка», рассказ (КП№3)

ПОЭЗИЯ

Номинация «Мастера»

Ирина Верина-Михалкина (КП № 7)

Вячеслав Динека (КП№10)

Сергей Зубарев (КП№1)

Виталий Серков (КП№2, №9)

Номинация «Надежда»

Ольга Сафронова (КП№10)

Елена Шульгина (КП№5, №9)

Татьяна Чернова (КП№2)

ПУБЛИЦИСТИКА

Номинация «Мастера»

Василий Дворцов «Родная речь» (КП№7)

Номинация «Надежда»

Мария Остапенко «Вечное время Юрия Селезнёва», (КП№10)

Ежегодный всероссийский литературный фестиваль- конкурс «Хрустальный родник»

Всероссийский литературный фестиваль-конкурс «Хрустальный родник» проводится ежегодно в апреле в городе Орле с 2011 года.

Принимаются рукописи непрофессиональных литераторов в возрасте до 45 лет (не состоящих в Союзе писателей России, Союзе российских писателей и других профессиональных творческих союзах) по трём номинациям: «Поэзия», «Проза», «Литературное творчество для детей» объёмом не более 20 стихотворений или не более 10 страниц прозаического текста (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал 1,5). Произведения должны быть законченными (не принимаются к рассмотрению главы из поэм, романов, повестей и т.д.). Допускается участие одного конкурсанта в нескольких номинациях одновременно. Участие лауреатов конкурса «Хрустальный родник» прежних лет в той или иной номинации допускается только в других номинациях.

Каждый участник вместе с рукописью должен прислать заявку на участие в конкурсной программе фестиваля в Оргкомитет по адресу: 302028, г. Орёл, а/я 1, Орловская областная организация Союза писателей России (с пометкой «Хрустальный родник») или по электронному адресу: pisatel@orel.ru не позднее 1 марта ежегодно.

Конкурсный отбор проводится дистанционно. В жюри конкурса работают известные российские писатели, редакторы российских литературных журналов. Победители и призёры конкурса будут приглашены в апреле в Орёл для участия в программе фестиваля.

С.Н.Макарова-Гриценко

Дух забытого века

Английский шпион Сомерсет Моэм, изучая жизнь в России, писал: «Именно потому, что у их литературы такая короткая история, русские знают её досконально, как мы Библию короля Иакова. Словесность в России играет куда большую роль, чем в других странах. Что поражает каждого в русской литературе, так это её исключительная скудость. Критики, даже из числа энтузиастов, признают, что их интерес к произведениям, написанным до девятнадцатого века, носит чисто исторический характер, так как русская литература начинается с Пушкина!».

Оставим на совести Моэма слова о скудости нашей словесности, скорее всего, он имеет в виду узкие хронологические рамки. Но в том, что мы читаем именно 19 век и не помним век 18, англичанин совершенно прав.

Золотые страницы русской литературы, вошедшие в культурную сокровищницу цивилизации, за которые нашу страну называют Душой Мира, написаны в 19 веке.

Большое видится на расстоянии. Сегодня, когда так «кровопролитны» информационные войны, когда Слово без всяких натяжек приравнено к стратегическому оружию, нельзя не признавать, что литература – это менее всего изысканно-утончённое искусство для наслаждения изощрённого слуха эстетов и более всего – средство для управления массами. С её помощью удобно управлять умами, направлять развитие общественной мысли в нужном направлении. Причём, это управление и влияние не кратковременно, а напротив, имеет весьма долгосрочную перспективу. Литература несёт в себе огромную, колоссальную опасность – она не только лечит души, но и калечит их. Она не только возносит человеческий дух, но и опрокидывает его в пропасть. Она не только расширяет горизонты сознания, но и невероятно сужает границы восприятия мира – буквально до узенькой щёлочки. Высока ответственность писателя, так как в этом случае он становится водителем человечества, – никак не меньше.

Пропитанный нигилизмом девятнадцатый век, пронизан также отрицанием века 18. И сейчас в 21-м столетии мы ничем не отличаемся, мы не читаем писателей XVIII века! Помня со школьных времён

лишь ряд имён, мы не приведём доказательств, чем же они замечательны. Читательским интересом не подкреплены имена Сумарокова, Ломоносова, Державина, Хераскова.

Михаила Хераскова нет даже в школьном учебнике. Зато есть убеждение, что великих произведений мастера прошлого не создали!

Неистовый Виссарион, я имею в виду Белинского, двадцатипятилетний автор единственной написанной им трагедии, в которой никто не разглядел никаких художественных

ев (1796–1876). Позже он стал профессиональным критиком, а его статья, «балансирующая на грани хамства» (Н. Гранцева), весь XIX век повторялась в критических антологиях, «закрыв вопрос» Хераскова. «Я не намерен разбирать «Россиады»... Не понимаю, как могли лучшие наши писатели удивляться «Россиаде»? Эти типичные для «громовых» статей «не намерен разбирать, не понимаю» восклицания Строева заслужили похвалы его современников, литературно беспомощный ниспровергатель

тей Наталья Гранцева, одна из редких знатоков литературы 18 века, автор книг о Ломоносове и Хераскове.

Убедимся в этом на примере «лишних людей». И первый среди них Чацкий. Главный объект его нападок – времена Очаковские и покоренья Крыма (топография вновь очень актуальная). Всё его «философско-политическое», то, что, кроме обид на нелюбезность Софьи Фамусовой, упирается в утверждение: «Прямой был век покорности и страха! Всё под личиною усердия к царю!»

Отрицая век Потёмкина, Суворова, «покорности и страха», Чацкий утверждал (и ведь утвердил!): истинная смелость оказывается – именно в произнесении «монологов Чацкого»!

А ведь продолжение этих монологов уже в словах Смердякова, от «чацких» они отличаются лишь отсутствием рифмы, «штилем»!

Конечно, оценивать произведение по наличию/отсутствию положительного героя – абсурд. Но...толкование «образа Чацкого», вбиваемое почти полтора века в головы учеников, это и есть вбивание нигилизма и смердяковщины. Да ещё сопровождаемое убогими ремарками в учебниках: «Век переворотов, Галантный, Дамский...» И утверждение Герцена: «Историю Екатерины нельзя читать в приличном обществе».

«Почему-то» забыл автор «Былого и дум», что в век «неприличной императрицы», в век «покорности и страха», «покоренья Крыма» русские впервые поселились там, где много веков были только пленными невольниками. Розанов писал по этому поводу: «Я отрицаю Грибоедова... Белинский – основатель торжествующего мальчишества на Руси. Герцен – основатель политического пустозвонства. Я отрицаю непонимание и отрицание России».

В защиту Грибоедова нельзя не заметить: личность, жизнь, смерть Александра Сергеевича – безупречны. Весь надлом – в персонаже, в Чацком. Но нарисовав этого наивного пошляка, он от него избавился, как (известный пример) Гёте от Вертера. Он не оставил «чацкости» в своей жизни, но сам персонаж оказался чрезвычайно живуч!

И 19 век, наполненный рефлексией и нигилизмом, поднял на щит «рифмованного Смер-

достоинств – только плоские пропагандистские осуждения крепостного права... так вот именно он назвал поэмы Хераскова длинными и скучными, а самого сочинителя низвел с высот поэзии в трясины версификационного ремесла. «Херасков был человек добрый, умный, благонамеренный и, по своему времени, отличный версификатор, но решительно не поэт», – вот с таким зубодробительным заявлением выступил Неистовый Виссарион.

Но Херасков не единственная жертва... Белинский одним ударом лишил жизни в будущем крупнейших авторов XVIII века, объявил выдающихся поэтов ничего не понимающими в поэзии! В тон Белинскому в журнале «Современный наблюдатель российской словесности» тиснул статейку в форме письма знакомой барышне и 19-летний студент Павел Строе-

в был подхвачен именно потому, что «сбрасывал с корабля» Хераскова вместе с XVIII веком. С тех пор и пошла мода на низвержение титанов прошлого. И в веке 19-м никто уже не относился с благоговением или хотя бы внимательным уважением к речам профессоров Московского университета, в котором так и не доучился неистовый Виссарион Белинский.

«Можно вести научные дискуссии с недобросовестными историками в узком кругу специалистов, но как бороться с «обезличенным» врагом – литературой, не взыскующей исторической правды, а пренебрегающей ею? Как бороться с выхолощенной, опрошенной, примитивизированной историей, которую в виде литературного товара втюхивает образованным современникам изящная словесность?» – вопрошает в одной из своих ста-

СЛОВО РЕДАКТОРА

дякова». Далеко задвинув его болтовней («монологам») «времена Очаковские». Александр Сергеевич Пушкин – «наше всё», но рефлексия его Онегина, одного из ярчайших «лишних людей», отнюдь не из числа человеческих достоинств! Выписан же Онегин настолько гениально, что «лишность» с той поры стала привлекательна, но! – Онегин, по признанию Пушкина, ему лишь приятель, пусть и добрый. Не друг! уж тем более не отражение.

Итак, из моды вышли благонамеренные граждане-поэты. Наступило время, когда гениями объявлялись неблагонамеренные, даже если их дар был вполне пигмейским. Михаил Херасков, к своему несчастью, не догадался хоть что-то сочинить для обличения крепостного права... И стремительно налетевший век XIX стёр последние благодарные оценки Державина, Батюшкова, добрые слова о поэте были заглушены ниспровергателями, Херасков выброшен вместе со своим веком.

А ведь посвящённая взятию Казани, «Россиада» Михаила Хераскова стала событием 1779 года. Автор признан «офи-

циальным Российским Гомером» («Русский биографический словарь» Половцева). Сегодня уже цитируемая мною Гранцева признаёт архаичность тяжеловесность «Россиады». Но... «Тяжёлым, неизящным для современных британцев кажется и английский язык Шекспира. Смогли бы читатели мира наслаждаться им, если б филологи за минувшее столетие не озаботились осовременить аутентичные шекспировские тексты?» – спрашивает Гранцева, предлагая свою «реставрацию» Хераскова.

Я же уверена, что вместе с восхищением, а именно о «Россиаде» современниками Хераскова сказано: «Какое богатство мыслей и обилие уподоблений, какая сила выражения! Откуда живописец заимствовал такие удивительные краски для картины, на которой изобразил столько ужасов разнообразных? не тот же ли Гений вкуса водил пером нашего Поэта, который управлял кистью Микеланджело, написавшего Страшный суд, и на нем пораженных горестью и отчаянием?» Так вот вместе с шедевром Хераскова необходимо вернуть Державный дух позабытого века! А каков он, становится

ясно даже из небольшой цитаты вступления к «Россиаде»: «Читатель! ежели, преходя все сии бедства нашего отечества, сердце твое кровию не обливаётся, дух твой не возмутится и, наконец, в сладостный восторг не придёт, – не читай мою «Россиаду» – она не для тебя писана – писана она для людей, умеющих чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитым подвигам своих предков, безопасность и спокойство своему потомству доставивших».

Совсем недавно пришла информация о том, что в Орле впервые в нашей стране поставлен памятник Ивану Грозному. А вот что пишет о царствовании Грозного, самого обогнанного русского царя, Херасков: «...Россия, бедственного состояния достигнув, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близ трех веков ею утраченную. Когда вообразим в мыслях наших государство, совсем расстроенное, от соседственных держав угнетённое, внутренними беспокойствами раздраемое, несогласием многоначальства волнуемое, иноверцам поработанное, собственными вельможами расхищаемое,

когда все сие вообразим и представим себе младого государя, самодержавную власть приемлющего, неустройства в отечестве искореняющего, сильных и страшных неприятелей державы своей поправшего, многоначальство обуздывающего, мятежников в недрах отечества усмирившего, отторженные соседями грады возвращающего и целые государства своему скипетру присовокупившего, несогласие и гордость бояр укротившего, благоразумные законы подающего, воинство в лучший порядок приводящего, – не почувствуем ли уважения толь великого духа к государю?.. Таков был царь Иоанн Васильевич!»

А закончу я словами итальянского философа Джорджо Агамбена, утверждавшего, что произведение достигает прочитаемости лишь в определенный исторический момент. Сегодня, когда слово «война» разрывает эфир, а взрывы слышны рядом с нашими границами этот исторический момент – прочитать забытое, вернуть историческую память и гордость России, приблизить наш блистательный 18 век – этот момент настал.

ПАМЯТЬ

Перечитывая Николая Островского.

К 80-летию со дня смерти писателя

Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества.

И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать её.

Н. Островский
«Как закалялась сталь»

В 90-х годах из школьной программы исключили изучение творчества Николая Островского. Наше поколение узнавало о судьбе легендарного Павки Корчагина – главного героя романа «Как закалялась сталь», самостоятельно. О нынешнем времени и говорить не приходится. Сейчас в кубанских школах наряду с классикой преподают творчество Стефани Майер, автора знаменитой вампирской саги XXI века. Но разве мыслимо ставить произведения Майер, которые никогда не дадут человеку духовного развития, на один уровень с произведением Николая Островского, чья любовь к возвышенной и благородной идеи рождения нового свободного обще-

ства была всецелая, захватывающая?! Эта любовь сделала его человеком целостным. Так кем же был Николай Алексеевич Островский? Какой социальный подвиг он совершил и какой духовный урок преподавал всем нам?

Николай Алексеевич Островский родился 29 сентября 1904 года в селе Вилия, на Украине, в семье военного и кухарки. В 9 лет он окончил с похвальным листом церковно-приходскую школу, затем двухклассное училище в Шепетовке, а в 1918 году поступил в Высшее начальное училище. В 1919 году, после вступления в комсомол, будущий писатель ушел на фронт, где сначала служил в дивизии Котовского, затем – в 1-й конной армии. Тяжелые ранения, полученные им во время боевых действий, как, впрочем, и постоянное нервное перенапряжение, и перенесенный им брюшной тиф, который свалил Островского во время строительства узкоколейной дороги – магистрали для обеспечения дровами жителей Киева, впоследствии губительно скажутся на его здоровье.

Николай Алексеевич с полной самоотдачей посвятил себя работе с молодежью, он организовал первые комсомольские ячейки в пограничных районах Украины и много трудился, даже тогда, когда его болезнь прогрессировала. Писатель не сдавался: он поступил в коммунистический университет им. Свердлова, учился заочно, занялся самообразованием, очень много читал. «Принесенных стоп в 20 – 30 книг ему едва хватало на неделю», – отмечала жена Раиса, с которой писатель познакомился в конце 20-х годов в Новороссийске.

В 1927 году Островский перестал ходить, начал слепнуть, тяжелая болезнь навсегда приковала писателя к постели, но совесть не давала ему покоя, он старался донести до людей все то, что жило в нём, чему он мог научить других. Аскетичный в быту и любви, он являлся человеком героического склада, главная черта его характера – правдолюбие. Когда он начал писать книгу «Как закалялась сталь», Николай Алексеевич ещё не знал, что жить ему оставалось всего четыре года. Потеряв зрение, Островский продолжал писать от руки. Текст сложно было разобрать, почти невозможно, и молодой писатель попросил своих друзей сделать в картонной папке прорези для строк, создав тем самым специальный трафарет. Но, когда у Островского отнялась рука, ему пришлось диктовать текст помощникам. Островский создавал свою книгу не как художественное произведение, а как исповедь.

Сейчас, во время отсутствия идеологии, нам отчаянно не хватает того духа борьбы и юношеского-романтизма, которые мы наблюдаем в романе Николая Островского

«Как закалялась сталь». Нелегкая судьба главного героя со всеми её перипетиями и трагедиями заставляет читателя задуматься: «А что я сделал в своей жизни для того, чтобы другие жили лучше, правильнее, свободнее?» Кто-то неоднозначно относится к Корчагину, считая его идею фанатичной, но, по мнению Н.Островского, благородная возвышенная идея и беззаветное служение ей – делают из человека – Человека! Мы не осуждаем юношеский максимализм обреченного с идеей Павки Корчагина, но с жаром принимаем огонь, горящий в его груди. Огонь благородства, чести, свободы и неутомимой борьбы за лучшее будущее своего народа. Первоначально книга писалась, как материал для истории молодежных организаций, в котором содержались факты,

воспоминания. Это была автобиографическая книга. В тот период Н.Островский не помышлял о писательской славе, он вообще не выбирал путь литературы. Литература сама выбрала Островского, движимого принципом: верность правде.

До 1935 года роман не замечают за пределами редакции «Молодой Гвардии», где его публикуют с легкой руки заместителя редактора Марка Колосова. Первоначально в редакции рукопись забраковали из-за нереальности выведенных героев. Но Колосов был потрясен содержанием с первых же строк романа, несмотря на непрофессиона-

лизм автора. Это потом Островский начнет усердно работать над техникой, оттачивать слог... А пока «Молодая Гвардия» ковала своих молодых литераторов, недавно пришедших к перу. После заметки Михаила Кольцова в газете «Правда» об авторе романа «Как закалялась сталь», Островским заинтересовались. В течение полугода Николай Алексеевич стал живым классиком. Успех его был подобен невиданного размера волне, захлестнувшей полмира и смывавшей все прошлые неудачи и препятствия.

Началась массовая пропаганда романа среди комсомольских масс. В книге Островского есть «сверхлитературный фермент, который выше профессионального, который привлекает миллионы человеческих душ!» Невозможно заставить людей перечитывать эту книгу «мужества» снова и снова, это делается только по велению сердца! И её перечитывали! Её переписывали в тюрьмах, читали в окопах на фронте! Для бойцов эта книга стала своего рода Евангелием. В блокадном Ленинграде вручную крутили печатные машины, чтобы жители города имели у себя экземпляры книги, которая воодушевляла и помогала выжить в эти страшные времена! Роман «Как закалялась сталь» был переведен на 56 языков мира. В миллионах людских сердец сумел Николай Островский зажечь огонь благородства, вселить веру в победу, укрепить дух; сумел разбудить идею, которой горел он сам и главный герой его романа – Павка Корчагин, ставший нравственным образцом для многих поколений. «Кто бы мог подумать, что у меня будет такой счастливый конец жизни, – писал он своему другу, – ведь, если, скажем, я нечаянно погибну, чего я не хочу, то это будет гибель на боевом посту, а не на инвалидных задворках», – писал Островский.

В ноябре 1936 года на московской квартире Николая Алексеевича по его просьбе проходило выездное заседание президиума Союза советских писателей, на котором обсуждался первый том романа «Рожденные бурей». Ряд недостатков, выявленных в первой книге, Островский обещал устранить в течение месяца. Но 22 декабря 1936 года сердце писателя перестало биться.

Пройти такой огромный и сложный путь за свои 32 года и столько успеть сделать для своего народа – это настоящий подвиг, которым можно поистине гордиться! Николай Островский преподавал нам духовный урок на примере своей жизни! Последние слова, произнесенные им перед смертью, звучали так: «Я в таком большом долгу перед молодежью...»

Савченко Элина,
Горячий Ключ

ПОЭЗИЯ

Алексей Смоленцев

**И ПУСТЬ СЕРЕБРИТСЯ
ДУША...**

ГВОЗДЬ

Господи, я здесь не гость. -
Промысл Твой есть о мне. -
Господи... я Твой гвоздь,
Рану пробил Тебе.

Был я еще рудой.
Боль то откуда бе?
Это был отблеск той,
Что причину Тебе?

Грех изостряет грань.
Выкован во гресех.
Господи, кроме Ран,
Что мы Тебе несем?

Матери не стыжусь,
Сына Ее пригвоздя.
Как же я Ей молюсь,
После того, - что я...

Этот с лобзаньем лез
Мерзость ощерив уст.
Я в заусенцах слез
Мукам Твоим сгложусь.

Господи, сталь болит.
Телом иду в Крови.
мной за меня пробит -
Это Венец Любви.

Я, почему - не гнусь?
Дар Твой: удар - пою...
Господи, даже гвоздь
Будет с Тобой в Раю?

СЫРОЕЖКА

Маме

...на тропе, близ скита
Пресвятой Богородицы - Ксилургу,
я увидел сыроежку...
Небо молится здесь. Море - стонет.
Здесь дарован Горе горний труд.
Сыроежки растут на Афоне,
Словно, дома, в России, растут.

В школьных прописях Божия правка.
Верь и бойся. Проси. И тебе -
Фиолетовой камиллавкой -
Просияет в опавшей листве

Сыроежка.
И только?
И - столько! -
В мертвом сердце очнется, что спит:
Вспомнишь мать покаянно и горько
У Святой Материнской Стопы.

Что творил ты? До дна и до края
Достигал. Но из смертных оков
Вынимала тебя, - разгильдяя, -
Материнской молитвой Любовь.

Как ты, мама? Молитва не стынет.
Шла, Дивеевской правдой дыша,
И до Самого Божьего Сына
Ты за сына земного дошла.

Он меня - сыроежку смиренья -
Взял, на Камень Любви укрепив.
...Мама, будем в Небесных селеньях,
Вместе с папой, пойдем по грибы...

ОТ ЗЕМЛИ ДО НЕБА...

памяти братьев Смоленцевых

В чистоте и струящейся неге,
От земных отдыхая забот,
Вот и встретились братья на небе...
И Иван, и Евгений, и Петр.

Три судьбы миновали. Три силы
Растворились в пределах земных.
Но шумят на просторах России
Тополя, пережившие их.

Тополя, что посланием в вечность,
От отца еще, устремлены,
От отца, чьей судьбиной - безвестность,
В ратном деле Великой Войны.

Он рождению сына не ахал.

Смоленцев Алексей Иванович, родился 26 марта 1961 г., в г. Йошкар-Ола, отец из вятских крестьян, мама кубанская казачка из станицы Ново-Щербиновской.

Жил, учился, работал - в Кирове, Москве, по распределению в г. Баймак (Башкирской Республики), Самаре, Воронеже, в настоящее время - в Краснодаре;

член Союза писателей России, кандидат филологических наук.

Образование: два высших, техническое (Моск. инст. стали и сплав., инженер-металлург, обогащение полезных ископаемых, 1984) и гуманитарное (Лит. инст. им. А.М. Горького, поэзия, семинар А.В. Жигулина, литературная работа, 1993).

Работал мастером смены на золотоизвлекательной фабрике и руководил механослужбой прокатного цеха, был литературным консультантом и библиотекарем, журналистом и государственным служащим, старшим научным сотрудником и - в настоящее время - ведущий методист Краснодарской краевой юношеской библиотеки имени И. Ф. Варавы.

Лауреат - премий Кировской области (2010, 2014), Всероссийского конкурса критики «Русское эхо» (Самара, 2012), Международной премии «Имперская культура» (по разделу «Литературоведение», Москва, 2015), «Российский писатель» (по разделу «Русская мысль», Москва, 2015).

Автор книг: «Иван Бунин. Гармония страдания» (литературно-художественное исследование; Самара, 2001), «Пересеченная местность» (рассказы, Киров, 2002), «Береженный хлеб» (книга стихов в коллективном сборнике «Литбригада», Киров, 2003), «Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: контексты понимания и символика образов» (на правах рукописи / дис. канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. - 2012, 223 с.), «Вселение жизни» (стихи и проза, Киров, 2014), «Пересеченная местность» ([Звукозапись] : аудиокнига [полное собрание изданных книг, стихи и проза] : 12 ч. 23 мин. ; - Киров, 2014), число научных работ - более тридцати, литературно-художественных - более ста.

Просто тополь садил под окном.
Видно знал: возникаем из праха,
В прах уходим, - но в небо живем.

И у братьев - земля как начало:
Первый шаг, первый жизненный срез, -
Запах пашни, и запах солжара, -
Хлеборобы, времен МТС.

Их по-разному время пластало,
И об этом другой разговор.
Но шумят тополя, где стояло
В оно время селение Бор.

Мне ли слогом их судьбы осилить?
Мне ли их рассудить бытие?
Но ведь были - корнями России,
И стволем, и ветвями ее.

Упокой же их, Господи, воля
Да пребудет Твоя, яко Свет,
Да, вчиниши их в месте покоя,
Там, где нет воздыханий и бед.

НАД КЛЮЧОМ КИПУНОМ

Деревня Бор (Боровляна, Над ключом Кипуном), основана в 1740 году в основном бору на высоком берегу реки Лаж. Первыми поселенцами были Смоленцевы, Липатниковы, Пироговы. (архивный фонд Вятской казенной палаты, ревизская сказка Уржумской округи Сернурского восточного правления)

Лети Любовь! Мы - поцелуем живы!
Шум паводка перекричат грачи.
О, как же были вы неукротимы,
Моей судьбы весенние ручьи!

Летела жизнь водовороты роя!
Цвет липовый горчил и горячил.
Мне были ровня по сердцу и крови
Июльских гроз могучие ручьи!

Летит листва. И на пороги Ночи
Стою один, промытый до седин.
И тащит грязь и вымывает почву
Промозглый блеск ручейных осенин.

Пора к Истоку, там, страде не внемля,
Жив ключ Кипун, бьет - в небо, напрямик.
Так, наша жизнь: ручьи уходят в землю.
Но и во льду - кипит, не спит, родник.

РОССИЯ

...родиться в России с умом и талантом... А. Пушкин.

Пусть вопиет, изнемогаю, плоть.
Смирись и будь, когда быть сил не будет.

На роли судей претендуют люди
Но что они, когда бы ни Господь?

Ты судишь мир: пусть фальшь и ложь
отринет?
Начни с себя, взяв Крест, оставь - суму.
Что Родина? Таланту и уму
Исхода нет. - Он должен жить в пустыне.

Отечество мое - Иисус Христос.
И Материнство - Пресвятая Дева.
Россия нам - Пропятое и Древо. -
Но тем - Свята, и тем - взыскует слез.

ВЕЛИКОРЕЦКИЙ КРЕСТНЫЙ ХОД

В. Крупину

За крестом по горестной Отчизне...
Краткий отдых. Тихо и светло.
Здесь, когда-то радовалось жизни
Русское исконное село.

Здесь, где в травах не найти дорогу,
Жили, и умели, и могли.
И седьмой день посвящали Богу,
И святой источник берегли.

Тихо и светло. Утихла драма -
Боль России и судьба ее, -
Нет следа? Но помнит остов храма,
Помнит время прежде свое.

И его трепали те же грозы.
Тракторок усиленно пыхтел.
Тщетно. - Мочевинной и навозом
Завалили Радости Придел.

Как они глумились над Великим!
Словно из утробы светлый плод,
Все скребли, все высребали Лики,
Оборвать, пытаюсь, русский род.

Пыжились. Но удержал Спаситель.
Урезонил хамские дела.
Выстояла Радости обитель -
До сих пор жива душа села.

Здесь услышу между вещей строчек,
Тающих, в божественной тиши, -
Сердце ли? - Святой Воды источник -
Бьется. Не сумели заглушить!

И тогда, почую - здесь, впервые,
Не простор, что полонен травой, -
Первообраз, Свет моей России,
Православной веры Свет живой.

Значит, рано нам сдаваться ночи.
Да и дел-то соберешь в горсти -
Возродить Живой Воды источник,
Храм расчистить, Родину спасти.

***

Годы шумели ли, воды ли талые?
За переправой судьбу не меняют.
Душу разжав, словно пальцы усталые,
Боже, я сам отпустился от края.

Гибель моя. Но и в эти мгновенья
Я благодарен Тебе, что даешь
Не перепутать паденье с парнем,
Правду Твою и лукавого ложь.

Падал и полз, для того, чтобы снова
Встать и идти, трупных язв не тая.
Знал - это крест, это плата за слово.
Неизреченная милость Твоя.

Как Ты склонялся ко мне, океанному,
След на снегу - это Ты нес меня.
Дай только прежде конца покаяние,
Дай мне прощение прежде огня.

Не оставляй меня. Слышишь? Не надо.
Дай предстоять среди нищих Твоя.
Даже и там, за церковной оградой,
Благовест Твой да достигнет меня.

Весь пред Тобой я. Карая и милуя, -
Не оставляй... Упокойв потом
Рядом с отцовской тихой могилой
Под православным русским крестом.

***

От иллюзий вылетат друзья.
Истина пребудет за провидцами.
Цезарь, Цезарь, первым быть нельзя
Даже в самой маленькой провинции.

И что Мир, что Рим, чем глуше глушь,
Неотвязней голоса утробы,
Безысходней отупенье душ
От гордыни, зависти и злобы.

Удивленья больше чем обиды:
"Брут, и ты?" - Благодарю друзей
За внезапность. Мартовские иды.
И Сенат замрет как Колизей.

Тогой закрываешься, немея.
Вот он страх, рядившийся в любовь.
"Аве, Цезарь!" - Статую Помпея
Обагрят жертвенная кровь.

ХОЛСТ, МАСЛО... ЖИЗНЬ

перед картиной Александра Веприкова
«Букет полевых цветов»

Равнин голоса проливные
Сливаются в жатвы венец -
Охапкой цветы полевые,
Да, вазой - гончарный горнец.

Замри! - И сторожко, и чутко,
У стыка двух рубленых стен,
Притих, на березовой чурке,
В цветах замолженный, день.

Искавшая к истине брода -
Ступай...
Но, забывши дышать,
Глядится на холст, словно в воду,
Себя узнавая, душа.

Что видишь? Сквозь всполохи боли
Отмерянный Господом свет, -
Всем летом уржумского поля
Бушует мятежный букет.

Сквозь таволгу шинчаланшудо,
Кипрей, кровохлебка, дурман.
Теняки сквозит из-под спуда
Вселенная в жаркий проран.

И благовест цвета стоголаво
Звучит во всей жизни страну.
За первой любви потрапу,
За пажить измен, за стерню.

Звучит, торжествуя во славу
Тех, кто не преступит уже,
Тех женщин, высоких как травы,
Поднявшихся вровень душе.

И этой же кисти размахом
Предсказано: в некие дни
Взойдет над березовой плахой
Смятенное лето судьбы.

Сынам, сберегающим память,
Даст право начаться с листа,
Весь цвет побелившая замать
На масляном масле холста.

Но символом вечного круга, -
Пусть даже за белым ни зги, -
Пребудут и плаха, и угол,
Несломленный угол, избы.

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЙ

Недавно сочинский поэт и прозаик Иван Машин посетил Святую землю, прошёл «Путём скорби» до Мёртвого моря, окунулся в священные воды Иордана...

...Свидетелей, кроме Лота и его двух дочерей, не осталось. Летели оторванные скалы с деревьями на них, камни горели... По нашим понятиям это было что-то вроде взрыва адской, немислимой величины термоядерной бомбы. В мгновение ока Сиддимская долина вспыхнула, и всё кругом осветилось...

В соседнем Хевроне, говорят, видели на заре зловеющий свет, но грома не было. Иначе проживающий в шатрах у хевронской дубравы Мамре патриарх Авраам, которому накануне явились три Ангела с вестью о катастрофе, хоть что-то смог бы услышать...

(Меня качнуло и завалило набок: автобус круто повернул от Мёртвого моря на Иерусалим; дорога пошла в гору).

Я снова закрыл глаза... Как и тогда, светало на востоке; сиял тонкий месяц. Стояла предутренняя тишина. Едва доносился лай лисиц из далекой пустыни. Люди спали... И вдруг – глубинный леденящий гул, утробный безмолвный стон разрывающейся многокилометровой толщи гор; вот дохнуло пламенным, испепеляющим ветром, от которого, как роса, испарялась нежная, сонная плоть; в разные стороны поползла земля, открывая бездонный, сверкающий зев и опуская, словно гроб, туда, на сотни метров ниже всех мёртвых, испуганные, истошные, гибнущие города – огонь и сера с неба довершили Божью кару...

Рано утром Авраам увидел желто-синюю дымящуюся пустыню на месте цветущих поселений и погрузился в печальные размышления. В Содоме жили его племянник Лот с женой и двумя дочерьми, а кроме того – два или три (он так и не разобрался) зятя с кучей детишек. Где они теперь? Девяностолетнее сердце патриарха болезненно сжалось. Но главное, главное не давало покоя и жгло: значит, в разрушенных и погребённых городах Сиддимской долины не нашлось и десятка праведников. Иначе, в согласии с обетованием трёх Ангелов в хевронской Мамре, Господь помиловал, не сжег бы дотла их. Он встал на колени и молился.

«В огне гореть будем», – вспомнил я свистящий над ухом чужой шёпот. В следующее мгновение увидел множество летящих в сторону Средиземного моря птиц, увидел сады, древние поселения Сиддимской долины, которая орошалась «как сад Господень, как земля Египетская»... Аллея смоковниц уводит туда, где в сквозящей синей дымке желтеют выжженные холмы; я вижу солончаковые такыры, покрытые редкой растительностью, над которой поlyphают маки, блестит сухой бальзамический воздух. Огибая бедные глиняные окраины, дорога ведёт к Центральным городским воротам, возле которых на камне сидит Лот, поминутно поглядывая на вьющуюся среди холмов белую от пыли дорогу – не показался ли торговый караван.

На Сиддими пересекаются торговые пути из Аравии в Египет, из Сирии в между-речье Тигра и Ефрата. И каждый раз к городским воротам высыпают и стар, и мал, чтобы встретить очередной караван. Открывается ярмарка, начинается торг. Кроме усовершенствованных орудий для обработки земли и различного инструмента для ремесленников, здесь много продается экзотических товаров: благовонные масла, ароматические курения и пряности, изысканные вазы и сосуды, украшенные драгоценными камнями кинжалы, ларцы и шкатулки, инкрустированные слоновой костью, искусно вырезанные из дерева или отлитые из золота статуэтки тельцов...

Но не товары и базарная мишура интересуют праведника. Его тревожит и изводит крайняя распущенность нравов жителей Сиддимской долины. Города ее давно стали притчей во языцех. Безбожие и разврат здесь приобрели характер общественного сознания, иначе говоря, стали нормой. Все продавалось, все стало товаром и не было ничего святого. Особенно этим отличались два самых богатых города – Содом и Гоморра. Все дал им Господь: плодородные земли, воду Иордана, выгодное расположение на торговых путях, и возгордились люди, населяющие их, почитая себя избранным

ИВАН МАШИН

Тайна Мёртвого моря

эссе

народом. Даже жителей города Едома, утверждающих, что они являются прямыми наследниками Божьего Эдема, презирали они, заявляя, что если рай и существовал, то только здесь, в благословенной Сиддимской долине. Все больше уклонялись они в праздность, в душеленный разврат и связанные с ним извращения. Сочувствие слабому и помощь обездоленному порицалась, а то и строго наказывалась. Часто содомляне давали голодным нищим не хлеб, а помеченные монеты, когда же тот умирал от голода, они со смехом разбирали свои подаяния. Праздное времяпрепровождение и бесконечные развлечения были возведены в добродетель. Все это поощрялось двором царя содомского Берой и его сановниками, а также находило понимание и одобрение у Бирше – царя гоморрского...

Дядя праведного Лота Авраам, сокрушаясь о нечестии и греховности царских дворов и населения Сиддимской долины, вменил в обязанность племяннику читать содомлянам проповеди о пагубности отпадения от Бога и неотвратимости сурового наказания за искривление ими земных путей. В каждый торговый день Лот выходил к людям.

Вот и теперь, одернув перехваченный шерстяным поясом халат, поправил он чёрные кольца на головной накидке, взобрался на камень и сосредоточенным взглядом окинул стоящую в ожидании каравана толпу. Некоторые содомляне пришли с детьми, держащими в руках домашние разновесы из гальки, необходимые, чтобы избежать обмана. Вот подошла с гамом и ором кучка продавцов и покупателей из Гоморры. Пастухи пригнали телят и баранов на продажу. Поодаль от толпы жались завернутые в покрывала проститутки, готовые за шекель уединиться с любым караванщиком в тёмно-зелёных сумахах.

Лот глубоко вздохнул и сильным голосом произнес:

– Слушайте Божье слово люди содомские, внимай закону Божьему, народ гоморрский. Вы говорите, что живёте в Сиддимской долине, словно в раю, вы гордитесь своей землей, но рай не там, где богатство и роскошь и не в том месте, где сады цве-

тущие, а только там рай, где во имя Божье собираются безгрешные люди... А кто из нас без греха? Жизнь человека коротка, похожа на текущий Иордан. В истоках он светел от подземных ключей, но чем дальше от начала, тем вода в нем мутнее. В среднем течении, где камни и скалы, он начинает петлять, как человек, достигший зрелого возраста. Но нет выхода из русла судьбы. Река бьётся в берега, обрушивая их, и всё больше загрязняет свои, совсем недавно кристально чистые воды. В устье Иордан разливается на рукава, некоторые из них питают поля, слава им, другие бесполезно и бесследно уходят в землю. Мы разобщены, как эти рукава реки. Но море объединит всех нас – и чужих, и своих, и богатых, и бедных. Это море – конец нашего земного пути. Это море смерти – Мёртвое море.

красное горло мрачный мужчина. – Ведь и ты вместе с нами изжаришься!..

Шутка понравилась: грохнул взрыв смеха. Лот опустил голову.

– Вы – грешники, но мне жаль вас, – сказал он тихим голосом, сошёл с камня на землю и побрёл домой. И когда зазвенели колокольцы прибывшего торгового каравана, о нём уже все позабыли.

Незримый, я иду рядом с Лотом, потерпевшим очередное поражение. Разделенные друг с другом четырьмя тысячами лет, мы, в сущности, современники, ибо для Духа нет времени. Здесь прошлое, настоящее и будущее слились в единое кольцо вечности. Я хорошо понимаю Лота и, как могу, утешаю на универсальном языке Духа: не стоит огорчаться, праведник, каждый день, мне, грешнику, подаёт знаки: весь мир наш постепенно превращается в Сиддимскую долину. Воистину он должен или измениться, или погибнуть...

На пороге дома, Лота ожидали три Ангела, которые под видом странников, гостили вчера у Авраама. Лот сказал им: «Государь мои, зайдите в дом раба вашего, ночуйте и умойте ноги ваши, а встав поутру, пойдёте в путь ваш», – и поклонился им до земли.

Они отказались, но Лот уговорил их зайти в дом, испек пресные хлебы и угостил их лучшими яствами из своих припасов.

Когда на город опустились красные от нагоревшего неба сумерки, но было ещё светло, дом Лота окружила толпа содомлян.

– Кто эти пришельцы?! – кричали они со двора. – Выведи их к нам, мы познаем их!..

– Я скорее отдам вам двух своих невинных дочерей, чем этих странников, нашедших приют под кровом моим, – ответил Лот Одержимые бешеным, содомляне принялись выламывать двери дома. Тогда три Ангела простерли руки и поразили содомлян от малого до большого слепотой так, что жаждавшие насилия измучились, пока добрались до своих глиняных жилищ.

– Мы посланы истребить за беззаконие это место, – сказали Ангелы Лоту. – Собери всех своих близких и выведи за город. Чтобы спасти душу, не останавливайся и не оглядывайся назад...

Лот послал дочерей сообщить зятям, чтобы те спешно покидали город. Но зятям показалось, что тесть шутит, и они, продолжая развлекаться игрой в кости и обсуждать скандальные слухи при дворе Беры, прогнали дочерей его.

Когда забрезжил рассвет, семья Лота, поднимаясь в гору, быстро удалялась от Содома. Вдруг земля вздрогнула, все покрылось мертвенным светом; Сиддимская долина словно бы вознеслась в воздух – все плыло, рушилось и уходило в глубь земли, в тартар; встал и недвижно стоял гигантский, по ширине долины, слепящий столб огня; с неба сыпались вперемешку с углями и серой обломки скал, жилищ, обгоревшие животные и люди – всё, что произрастало на этой благословенной земле...

Вот, жена Лота, сокрушаясь по оставленному в доме имуществу, жалобно причитая, оглянулась назад и осталась стоять, в мгновение ока превратившись в соляной столб...

Меня встряхнуло на дорожной выбоине, я очнулся, открыл глаза.

Было уже светло. Наш автобус поднимался к царским воротам Старого города. Белокаменный Иерусалим светился в золотых лучах утреннего солнца, как подарок Самого Бога. Сверху хорошо было видно высохшее русло Кедронского потока, огромное каменное кладбище, объединившее мятущихся ревнителей различных конфессий – христиан, иудеев и мусульман – в изначальном, родительском лоне. Дальше простиралась синяя полоса Иосифатовой долины, где по пророчеству Иоиля, будет Страшный Суд. Случись это в текущее мгновение, и я бы одним из первых предстал перед Судией. Обожгло ощущение: как скоро и как близко!..

Благодарение Богу, через час-полтора, я буду в тельавивском аэропорту Бен-Гурион; поднимусь по трапу самолета, усядусь удобнее в кресло и, глядя в иллюминатор, помашу рукой: до свидания, Первоземля!.. Спасибо, я усвоил твой неотменимый урок: кроме вырастающей в размерах всемирной содомогоморры, есть во мне – и в каждом из нас! – свой тёмный уголок, близкий возможную трагедию Земли...

– Что он такое говорит? – воскликнул рыжебородый содомлянин, рыская по толпе шальными выпуклыми глазами.

– Да, истинно вещаю вам, – продолжал Лот. – Если не покаетесь и не повернёте свою жизнь в праведное русло, то погибнете, и вся долина эта, которой вы так гордитесь, станет дном моря.

– Какая тебя муха укусила? О каком море речь?! – закричал содомлянин с ребенком на руках. – Ты пришелец в Содоме, ты чужак, слышишь?.. Ты пастух! Иди и паси свое стадо! Дядя твой Авраам, кочует себе, вон раскинул шатры под Хевроном, вот и иди туда и не учи нас как жить...

– Ты нас давно пугаешь, – завопил истраченный, сморщенный, похожий на старца молодой человек. – Но рубашка, в которой мы боялись, давно износилась!

Все рассмеялись. Молодой старец решил закрепить успех:

– Может, ты нам запретишь ещё и любить друг друга? – он тонко хихикнул.

Лицо Лота страдальчески передернулось, и праведник почти шепотом ответил:

– Вы принимаете греховное, скотское совокупление за любовь, слепцы. Так – то и животные «любят». Только низкие люди, утратившие Дух и образ Божий, принимают случку за любовь. И за это попали вас огненный ветер! – почти выкрикнул он.

– А ты-то где будешь? – захохотал во все

ЮБИЛЕЙ

ДЕРЖАВЫ СЫН ДОСТОЙНЫЙ

Владимир Александрович Юдин, профессор, доктор филологии, академик Петровской академии наук и искусств и прочая, прочая, у него много заслуженных званий и наград. Но сегодня хочется поговорить о нём, как о литературном критике. Его критические статьи публикуются как в толстых столичных и региональных журналах, так и в газетах всех уровней. Но что его выгодно отличает от других критиков, так это то, что он пишет не только о знаменитых авторах, но и писателях из глубинки. Он изучает современную литературу провинции, и «озвучивает» таланты. Это очень трудное и бесперспективное (в смысле денежном и приобретении известности) дело, но это подвиг во имя русской литературы, во имя России, поскольку ныне писатели из глубинки брошены на произвол судьбы, на умолчание, на безвестность. Властвует голый расчёт – а что мне это даст, деньги, славу? Ни того, ни другого бедные писатели провинции дать не могут. Так зачем стараться! И пишут критики об именитых писателях, и расхваливают одни и те же фигуры, и хоть эти фигуры уже двадцать лет ничего художественного не пишут, однако известны, и мусолят одну и ту же, надоевшую всем, тему «Кому на Руси жить хорошо?», и забывают страницы солидных изданий...

Недавно вышла книга Владимира Юдина «Родина – всему начало». И здесь он верен себе. Он разбирает творчество русских писателей, незаслуженно замалчиваемых ныне, не в чести у нынешних властей и литературной верхушки. В книге раскрыты образы выдающихся мастеров слова: Ю. Бондарева, Ан. Иванова, В. Пикуля, а также зарубежной эмигрантской литературы: И. Шмелёва, Г. Климова, П. Краснова, Р. Гуля, В. Максимова. Тут же он оценивает творчество писателей современников из разных районов страны: Ярославля, Твери, Воронежа... Автор исследует творчество писателей без вычурных умствований и философских «шарад», пишет просто, доходчиво, убедительно.

Во всех статьях у него сквозит боль за русскую литературу, желание отразить жестокую атаку на неё со стороны СМИ, телевидения, либеральных кругов... и несть им числа. Это даже не атака, а целая война, хорошо спланированная, организованная, отлично финансируемая. Открыты все кингстоны, чтобы утопить гордый корабль под названием русская литература. И хлынула мутная волна, все эти модернистские течения, по сути творения Элочки Людоетки, в трюмы, и отяжелел, осел корабль, потерял ход. А тут ещё возможность печататься всем, кто ни захочет, и что ни захочет: мат, секс, кровавые оргии – всё можно, только денежки плати. И поплыл этот хлам по России, и заполнил он книжные полки магазинов и библиотек, залил отечественное литературное поле так, что верхушки томов классики торчат, да и те скоро скроются в этом зловонном потоке. «И не случайно – пишет Владимир Юдин – физически и нравственно сник народ, отлучённый от своих национальных духовных источников, с ужасающей скоростью падает в бездну Россия, ставшая объектом зловещих экспериментов».

Но как незбылемые скалы стоят великие художники отечественной литературы, и их не потопить, не уничтожить, они и из мутной воды современных опусов будут излучать людям свет добра, мужества, силу могучего русского слова, звать на борьбу со злом. Их герои чисты, бескомпромиссны, не прячутся по углам, когда Родина в беде, они мужественно кладут свои головы на алтарь Отчизны. Здесь автор уместно приводит слова Юрия Бондарева: «Мои герои борются и любят, любят и гибнут, не долюбив, не дожив, многого не узнав. Но они узнали самое главное – прошли проверку на человечность через испытание огнём».

Отдельная глава в книге посвящена исторической прозе. Автор детально исследует современный процесс в этом жанре, отмечает его тяжёлую судьбу вследствие рыночной экономики, раз-

рушительных антироссийских спекуляций в мировом масштабе. «Писателю, а тем более историческому писателю приходится работать больше, чем человеку любой другой профессии. Его книги – плоды огромного, невероятно-го труда. Сколько раздумий, поисков, черновой работы! Чисто материальный итог усилий невелик: мизерные тиражи, копеечные гонорары или полное отсутствие таковых – труд уборщицы в банке оплачивается куда как щедрее. Авторы исторической прозы намеренно, осознанно выбирают занятие историей малой родины в ущерб возможной славе всероссийской, может быть, в противовес известности-однодневки, скандальной популярности, – говорит автор и тут же добавляет. – Несмотря на все испытания, русский исторический роман в классическом его виде выжил, продолжился, развивается».

Владимир Юдин не только разбирает творчество писателей, но даёт целый биографический пласт их жизни, проецирует их произведения на современные реалии. В книге много познавательного, неизвестных читателю фактов, событий истории. Всё это изложено чистым литературным языком, и читается как увлекательный роман, легко и заинтересованно.

Владимир Юдин обладает многими талантами. Он – яркий публицист. Его статьи, очерки, эссе, интервью печатались не только в России, но и за рубежом. Он удостоен многих литературных премий за серию острых патриотических публикаций в защиту духовных устоев народа.

В январе 2017 года Владимиру Александровичу исполнилось 70 лет. Крепкого Вам здоровья, замечательный критик и публицист, дорогой русскому сердцу человек, вдохновения, новых выдающихся статей и книг, добра и любви!

Южанинов Л. Ф.,
член Союза писателей России,
г. Россось, Воронежская область.

СОВЕСТЬ

Совесть – это чувство нравственной ответственности за своё поведение перед окружающими людьми, обществом.

С.И. Ожегов,
Словарь русского языка

Еду в воскресный день на троллейбусе №3 в сторону микрорайона «Юность». День праздничный, народу набилось немеряно, но настроение у всех приподнятое.

Кое-как приткнувшись на задней площадке салона, я тоже радуюсь улыбающему солнцу, ясному голубому небу, на диво ранней и погожей весне...

– Все у меня обилетились? – вывел меня из состояния внутреннего воодушевления скрипуче-громкий женский голос. – Поторопись, народ, пошевелься!

Высокая тучная кондукторша в форменной оранжевой куртке, бесцеремонно раздвигая пассажиров локтями, как многопалубный океанский лайнер, продвигалась по салону троллейбуса. Встревоженные непрерываемо-грозным окликом, пассажиры притихли, стали торопливо доставать кошельки, «обилечиваться».

Пытаюсь и я, с трудом преодолевая нещадную толчею, вынуть из нагрудного кармана плаща удостоверение ветерана труда с заветным льготным талончиком, но никак не могу освободить руку от тяжёлой дачной сумки.

– Задняя площадка, блин, чего молчим? Мужчина, у вас уплочено? – последний вопрос, чувствую, адресован мне.

– У меня ветеранское удостоверение. Поверьте. Руки заняты вещами, не успел приготовить... – смущённо, как провинившийся школьник, бормочу я. Наконец, нащупав спасительную зелёную корочку, спешу достать, показываю корешок, дабы подтвердить, что я не «заяц», имею право на льготный проезд.

– Ну, блин, народ нынче пошёл! Ты чё, не русский? Проездные документы надо предъявлять в раскрытом виде! – вытаращив большие зелёные глаза, вскипела

кондукторша. – Я чё, рентген? Вижу, чё там в твоих руках? Попривыкли, блин, на халяву кататься, а государство за них плати...

– Не «ты, а «вы». Будьте, пожалуйста, повежливей! – попытался призвать я к порядку грубиянку. – Вы на работе.

– Жену дома учи, желательную свою, не чужую, а я учёная, на золе печёная! – заготала в ответ кондукторша, весьма довольная своим развязным «остроумием». И пошла дальше по – хозяйски расталкивая пассажиров.

– Мда... Крутая особа, ничего не скажешь. Такая дама коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт, в троллейбусе «зайца» побьёт... – Не то одобрительно, не то с осуждением негромко перефразировал известного поэта пожилой, интеллигентного вида старичок в лёгкой дачной кепке, бросив на всякий случай косой, опасливо-осторожный взгляд в сторону не в меру ретивой кондукторши.

– А ты обилетился? – направила свой грозный взор хозяйка салона на худенького подростка лет двенадцати. Плотно прижатый к задней входной двери, тот растерянно пролепетал что-то невразумительное.

– Я тебя, блин, спрашиваю или Пушкина?! Оглох, что ли? – будто почуяв добычу, решительно протиснулась к мальчонке горластая особа. – Ну, живо деньги давай, а то щас полицию позову!

– Тётъ, я инвалид... – наконец обрёл голос подросток. – Тётъ, честное слово, я забыл дома своё удостоверение... Однако та жадно вцепилась в свою жертву.

– Ты чё из меня дуру-то лепишь?! Плати щас же, нахал! Ну, блин, совсем все оборзели...

Люди с напряжённым любопытством, молча взирали на происходящее. Троллейбус остановился. Дверь с тяжким скрипом распахнулась. Толпа мощной волной хлынула к выходу. Мальчонка предпринял отчаянную попытку сойти со ступенек, но крепкая ухватистая рука разъярённой хозяйки салона, будто капкан, намертво сдавила его худенькое плечо.

– Эй, ты, бомбовоз толстозадый, чего пристала к пацану? Отодвинь свою корму, дай выйти! Ты за меня, гудастая, поддержишь, коль заскучала. Я не гордый! – раскатисто хохотнул высокий дюжий парень в камуфляже.

И без труда оттеснив кондукторшу, ринулся в дверь, увлекая за собой и меня.

Я устремился в образовавшееся свободное простран-

ство и, схватив мальчишку за руку, с силой оторвал его от уцепистой тётки, не устающей истерично кричать.

Наконец, я и подросток благополучно оказались на воле. Дверь захлопнулась, ненавистный троллейбус покотил дальше.

– Спасибо, дядь! – признательно посмотрел мне в глаза мальчонка.

– У тебя денег, что ли, нет на билет? – с укором спросил я. – «Зайцем» катаешься. Нехорошо, брат. Молодой, мог бы и ножками пробежать, горя не наживать. Скандала бы не было...

Из глаз подростка вдруг градом хлынули слёзы:

– Дядь, я и вправду инвалид. Ноги давно поездом отрезало. А объяснить злой тётке просто не успел, налетела на меня, как ненормальная...

Мы устало присели на скамью. Только тут я заметил: из-под брюк мальчонки безжизненно выглядывали тонкие, как палки, желтовато-серые пластмассовые протезы, аккуратно заправленные в чёрные бесформенные ботинки...

Сердце моё сжалось, к горлу подступил комок. Но скоро жалость к несчастному мальчонке резко сменил обуявший меня запоздалый гнев. Захотелось догнать злосчастный троллейбус и что есть силы плюнуть озверевшей кондукторше прямо в физиономию. Но троллейбус был уже далеко. А мальчишка-инвалид, утерев слёзы, не спеша, поднялся, как-то неловко, по-утиному переваливаясь из стороны в сторону, стал медленно удаляться. Мы расстались, не познакомившись и не попрощавшись...

На безоблачно-голубом небе не переставало играть весёлыми лучами улыбающее весеннее солнце. Как же далеко оно от мелких, суетных людских страстей и страстишек!...

...В одном из своих прекрасных произведений писатель Валентин Распутин говорил, что совесть такой же орган чувства, как слух, зрение, обоняние, осязание. Человек может притупить его в себе или вовсе на время забыть о нём, но большая или недостаточная совесть всё равно будет напоминать о себе. Так или иначе, вне зависимости от желания человека.

Хотел бы я знать: будет ли когда-либо мучить совесть знакомую нам кондукторшу? Да и есть ли у неё эта самая совесть?..

Владимир Юдин,
г. Тверь

ПРОЗА

Степан Деревянко

ЗА КАПИТАЛОМ
(Рассказ)

Гулящая и вороватая Сонька Свирина по прозвищу Переходящее Рыжее Знамя, раз пять или шесть ходила замуж. Причём ходки длились месяца по три. Потом, узнав, где что лежит, она устраивала бузу, и с гордо поднятой головой возвращалась к родителям, прихватив ценности. Незадачливое семейство прибегало к Свириным за своим добром, получался скандал, Сонька подключала «Третьяковскую Галерею» – так на улице звали папу, многолетнего сидельца зон, у которого даже язык был в наколке. Папа не скупился на выражения, и изрыгал на несостоявшуюся сельскую родню такую «феню», что у той от словесной гадости уши никли обожжёнными лопухами. В результате кто-нибудь из обворованных не выдерживал и говорил:

– Да будь они прокляты, пусть подавятся нашим добром.

На что рыжая Сонька, торжествуя, как львица над поверженной антилопой, издавала победный рык:

– Лохи! Это ваша плата за мою любовь!

После этого кандидат в мужья, плюнув «львице» в морду, ставил точку на отношения с ней:

– Мерзость и гадина!

Или подобным образом.

В полицию никто из обворованной семьи заявления не писал, не хотели люди большего позора, там о похождениях Переходящего Рыжего Знамени ведали, но приструнить шалаву, к которой липли парни, не считали своим долгом – мотыльки всегда обжигаются на горячей лампочке. Но какой-то «мотылёк» в семье или во чистом поле след

свой на Рыжем Знамени оставил, понесла Сонька и родила дочь, как позже оказалось, крикливую, брехливую и рыжую – мать.

Теперь замуж Соньку звали редко, в станице и по хуторам она достаточно ослабилась, да и время делает любое переходящее знамя затасканным.

А тут как раз наше правительство, обеспокоенное тем, что полстраны молодых баб не хотят рожать и восполнять население, предложило им бизнес – материнский капитал. Родила – получи денежки на жильё и прочее. Сонька сразу смекнула: её бизнес. Ни ума, ни образования не надо, и работы на пять минут. И сразу чухнула в столицу, оставив дочку матери. Мать уже вышла на пенсию, и как-то взяла с утречка внучку и отправилась с ней в ларь бывшего своего колхоза за молоком. Там собрались бабы с бидончиками, ждали молочный прицеп.

– О, Дарья, ты никак с драгоценным выводком! – поприветствовала её бывшая товарка.

– А Сонька не могла прийти? У тебя ж ноги большие! – осведомилась другая.

– Уехала в Москву работать, – ответила

молчаливая Дарья.

– Сонька станет работать? Та кто ж в это поверит? За пузом она поехала! – добавила Дарья соседка, с которой они не терпели друг друга.

– Нет, бабы, теперь это называется за «материнским капиталом» поехала рыжая, – вынесла своё заключение бывшая зоотехничка. – Теперь все «соньки» стали бизнесменками.

– Эх, бабы, раньше б такой закон, денег бы у меня было! – вождельно заулыбалась Нюська-птичница, сама вырастившая двоих детей благодаря колхозным курам.

– У тебя денег и так хватало, куры хорошо неслись, и мужиков было завалилось. Ещё и медаль повесили. За птичник или за «золотое корытчатко», а, Нюська? – съехидничала зоотехничка.

– За всё сразу! А тебя вроде завидки берут, сама такая ж. Знаешь, как было... А теперь вишь, вместо Звезды – капитал! – выдала зоотехничке Нюська.

Позубоскалили бабы, языки почесали, по косточкам друг дружке прошлись, купили молока и разбрелись по хатам. А Дарья

потасила за ручку не хотевшую идти и кричавшую внучку, в другой несла бидончик с молоком, боялась его разлить, и думала о дочке. Что это за выдумка такая, этот капитал? Нарожают дуры от дураков и пьяниц таких же, а растить кто их будет? Семейные, то понятно, при мужиках они. А эти? Ей, пенсионерке, с разрыванным идиотом растить Сонькиных детей? Забила Дарья голову думками, да так и приплелась с изрванной внучкой домой по осеннему туману, ничего не придумав и ничего не решив.

Рыжая Сонька явилась из столицы через пять месяцев прибахлившись, округлившись, раздавшись в бёдрах – с «капиталом», стало быть. Дочке привезла синтетического китайского кота, который не то мяукал, не то говорил по-китайски. А через неделю явились из Москвы двое качков на дорогой машине, какой в станице ещё не видели. Сонька по обыкновению закатила скандальёзу, но её молча и быстро засунули в машину и заклеили скотчем рот. «Третьяковская галерея» испробовал проверенную «феню», но после парочки тумачков прикусил язык, а после того, как ему что-то шепнули, язык у него отнялся. Мать и девочку качки не тронули, но сказали: «Родит ребёнка и гены подтвердятся, вернём вашу рыжую в целости. Цацки, что украли, босс велел оставить». Сказали и уехали.

...Года через полтора, как раз под Новый год, с поезда на станичной станции сошла скромно одетая невзрачная женщина с печальными глазами, и никто в ней не признал наглуую, пышущую здоровьем Соньку Переходящее Рыжее Знамя.

ДЕБЮТ

Иветта Давыдова
Краснодар

«ЧТО СКАЗАТЬ МНЕ О ЖИЗНИ?...»

Было это девять лет назад. Как-то утром я готовила завтрак на кухне у окна, выходящего во двор моего частного дома. Муж прогуливал за воротами собаку. Слышу позвякивание пружины ворот, поднимаю глаза и вижу, как медленно ширится картинка улицы в проёме открывающейся калитки. В неё просовывается сначала деревянная трость, затем у порожка – нога в калоше, потом появляется цветастый халат, это моя соседка Прасковья Романовна идёт в гости. Мы с Романовной соседи по меже, крыши наших домов дружат через невысокий шиферный забор, и летом мы невольно слышим даже кухонные разговоры друг дружки.

Я распахиваю дверь дома. Она медленно подходит к крыльцу.

– Доброе утро, Романовна!

– Здравствуй, Вета! – не торопясь отвечает. Она всегда говорит, делает, ходит не торопясь. Но сегодня двигается она заметно медленнее обычного.

– Неважно себя чувствуете? – интересуюсь я совершенно искренне. Я очень дорожу общением с этой женщиной.

– Да как тебе сказать? В семьдесят я чувствовала себя гораздо лучше.

Ей девяносто три.

– А двигаюсь медленно, так это я в последнее время боюсь упасть, шейку бедра боюсь сломать. Что-то ноги стали болеть...

– Ну, Романовна, что ж поделаешь – возраст, – говорю я банальности.

– А знаешь, почему у меня сейчас ноги болят? Это я у войны молоденькой девочкой у магазине (она слегка балакает) работала, и там на складе мешки тяжеленные таскала. Вот теперь оно мне начало давать знать о себе.

«Только теперь начало давать знать», – хохочу в ответ. У Романовны отменное здоровье и прекрасное чувство юмора. Наш «кубик» – квартал частного сектора в центре Краснодара, просто чемпион по должителям.

– Вон у тех ... да у той ... да та ... – называет Романовна старинных наших соседей – им тоже по девяносто и больше, но лежачие. А я так не хочу. Я этого боюсь. Слава Богу, что сама передвигаюсь, сама себя обслуживаю.

***

Раннее ноябрьское утро. Настолько раннее, что окрестные

дома и люди в предрассветной дымке просматриваются только силуэтами. Я, полусонная, выползаю из дому, укутавшись в первую подвернувшуюся на вешалке в прихожей куртку, чтобы с бидоном бежать к молочной бочке. Выхожу за калитку, а там... А там Романовна в стареньком спортивном трико и с лопатой в руках, у неё осенне-полевые работы, готовит землю. По весне она расцвечивает для нас клумбы незатейливыми цветами, и всё лето они кипят разноцветием бархатцев, ноготков, каких-то высоких цветов, похожих на мелкие герберы, которые она именует смешным словом «панычи» и величественными кустами с огромными белыми граммофонами. Это раскидистое растение – дурман, но на нашей улице его упорно называют «лебедЯ».

А вот летний вечер. Я сижу на корточках рядом с мужем. Он курит, и мы вместе подпираем внешнюю стену нашего дома, любуясь прохожими, рассматривая мир – незатейливая вечерняя забава жителей частных домов. Слышу скрип соседних ворот – ко мне направляется Внука. Внука – моя бывшая университетская однокашница, мы почти ровесники.

– Слушай, тебя можно попросить кое о чём?

– Проси! – бодро отзывается я.

– Ну, пожалуйста, не вози ты больше бабушке со своей дачи сливу и алычу. Это же невозможно: она уже семьдесят баллонов закатала! Ей же девяносто. Ей потом плохо становится.

– Я понимаю, но она же просит! Она ещё сливянку хочет сделать. Как я откажу?

И тогда Внука закатывает глаза, бессильно, но всепрощающе улыбается и отступает. Но недалеко. Бабушка уже кричит, чтобы та помогла ей вытянуть шланг через двор – она клумбы поливать будет.

***

Наша соседская дружба с Романовной щедро кормила меня лоптями очумелого счастья челове-

ческого общения. Наши случайные беседы у ворот открывали мне тайны простой жизни, чистых чувств, каких-то важных понятий о бытие.

Мы двадцать с лишним лет дышали с ней одним загазованным городским воздухом, кормились продуктами с одного рынка. И кастрюли-сковородки у неё были нормальные такие, старушечьи, заскоружные. И канализации в доме не было никогда, чтобы с помывкой посуды развернуться. Теперь принято, рассуждая о возрасте, что-то говорить про «их» и «наше» поколения, про экологию, про качество еды, про вредность пережаренного масла, про опасность микробов, скапливающихся в губках для мытья посуды. Но, зная Романовну, не складывается у меня в голове правильной научной картинке. Всей своей жизнью, бытом своим она будто опровергает доводы учёных, и сводит на нет их многолетние изыскания о природе болезней, которые «все от нервов».

А уж испытаний, называющихся сейчас заграничным словом «стресс», было у Прасковьи Романовны хоть отбавляй. Революция, голод, война, ревнивый муж – инвалид войны, потом вдовство, нфесколькое десятилетий нервотрёпки с психически больными совладельцами... А как было видеть, как семь лет мучительно уходила из жизни её любимица-дочь, не успевшая выйти на пенсию. Это растянувшееся во времени горе невозможно было каждый день наблюдать без слёз и сочувствия. Каждое утро усаживалась несчастная мать на скамеечке во дворе у порога своего неказистого домика, в котором лежала её больная, и натирала на старой металлической пирамидальной тёрке сырую винегретную свёклу для сока. И были в тех монотонных движениях мучительное отчаяние, безысходность и вера одновременно. Я тогда подарила ей свою электрическую соковыжималку. Она поблагодарила, но продолжала тереть руками, своими материнскими любящими руками. «Так я лучше

чувствую, – говорила она. – Да и на тёрке сока больше получается». В тот чёрный вечер Романовна пришла ко мне, к первой, со стоном «Вета-а-а... всё-о-о... только что... всё-о-о-о...». Посередине моего двора мы обнялись и плакали навзрыд, и не находилось слов утешения.

Где и как она нашла силы жить дальше, мне неизвестно. Только однажды она рассказала, как запырилась тогда ночами в комнате летней кухни, чтобы никто не слышал, и в голос кричала-рыдала от горя. На Бога она тогда была сильно обижена.

Ей было девяносто пять, когда мы в очередной раз разговорились о жизни.

– Знаешь, просыпаюсь утром, а зачем проснулась, не знаю. А здоровье есть. Есть аппетит. И я встаю, иду в ванную комнату, умываюсь, готовлю себе завтрак, потом смотрю сериал...

Сколько помню её – никогда не сидела без дела. Всегда портиха. Местные модницы – её ровесницы – не обделяли её заказами до самых преклонных лет. В её стареньком домике на рассохшихся подоконниках в простеньких глиняных горшках круглый год охотно цвели герань, бальзамин, бегония. Ни одного жухлого листочка, ни одной вялой веточки. Мы с другими соседками шептались, недоумевая, как удавалось ей так ухаживать за растениями, что они цвели круглый год. В наших современных светёлках с пластиковыми рамами, в дорогих керамических горшках, цветом подобранных то под обои, то под шторы, многие растения упорно хирели. Это позже я убедилась, что растения чувствуют энергетику человека. Если твой внутренний сад цветёт, то и внешний радуется глаз.

***

Говорят, старых людей нельзя срывать с насиженного места, нельзя ворошить их привычный бытовой уклад – не переживают они этого. Романовну с места не срывали. Но когда зять – муж Внуки – решился

строить для своей разросшейся семьи дом, требовалось завалить её старую хату. И она разрешила. Волновалась, секретничала со мной, что не доверяет современной молодёжи: мол, такую двухэтажку задумал, с ванными комнатами на каждом этаже, с балконом, осилит ли? Но дом встал, роскошный, просторный.

– Что за родители пошли! Вот смотри, как они правнука воспитывают: вода для него покупная; а если упало печенье на пол, поднять его и съесть они ему уже не дают; грязное. А какое оно грязное в таком новом доме? То ли дело мы были маленькими – с курями вместе ели.

Я обожала эти моменты, когда она начинала вспоминать своё детство. Я замирала, я даже вопросов не задавала, чтобы не сбить с мысли, чтобы не нарушить канву памяти.

– Никакого режима у детей не было. Помню, было мне лет пять. Нас – мал-мала-меньше – спать укладывали тогда, когда мужики домой приедут. А знаешь, почему? А потому что у хате пусто было и голо. Мы бедно жили: ни кровати, ни перин. Мужики вертаются домой, бурки на пол покладут, вот дети на них тогда и спят...

Она ненадолго замолкает, а потом так задумчиво, будто размышляет вслух, глядит куда-то перед собой, в неведомый, ей одной вдруг открывшейся портал:

– Знаешь, Вета, вот рассказываю тебе сейчас... девяносто лет назад это было, а будто вчера...

***

Сейчас ей сто один. Она бодрa, весела и здорова. Да, здорова! Так и говорит: «Вся я здоровая, только ноги болят». Говорят, человек рассчитан на сто двадцать. А вдруг у неё и вправду получится? Ведь смотрела же я её ладони, когда интересовалась хиромантией. На обеих совершенно симметричные прерванные, короткие линии жизни. Она не только науку, она будто и эзотерику опровергает всем своим существованием. Вдруг у неё получится сто двадцать? Я бы очень хотела. Захочет ли она? Мы уже давно не живём рядом – я уехала из того дома шесть лет назад. Но я привыкла к необходимому её незримого присутствия в моей жизни, как к воздуху. И не знаю, как перенесу удушье, когда однажды...

ДЕБЮТ

Людмила Шарова
ст. Украинская

ЗНАМЕНИЕ

Зима в тот год была тёплой. И рождественские морозы не сковали русло реки Дон, лед оставался непрочным даже у берега. Такой тёплой зимой не помнили местные старожилы.

Приближался сочельник. Отец Геннадий надеялся на крещенские морозы, ждал, но морозца не было. Изменять празднику не стал и утром рано с помощниками пошёл на реку рубить иордань.

Всенощная служба подходила к концу. Прихожане, уставшие, с сияющими лицами ждали главного момента – освящение воды!

Ведь такое случается только один раз в году – девятнадцатого января!

Поздравив всех с праздником, священник сказал:

– Так как лёд очень тонкий, все желающие пойти к месту освящения вод, должны выполнить следующие условия: соблюдать дистанцию десять, пятнадцать метров; к иордани подходить по одному; пожилым людям, желательно оставаться в здании церкви. Без воды никто не уйдёт домой.

Благословив всех, настоятель, с матушкой Марией, с двумя сыновьями, певчими и прихожанами – мужчинами с иконами в руках, с зажженными свечами, пошёл к крестообразной проруби.

Смельчаков идти за ним было не так много. Людмила и Марина в нерешительности стояли на берегу.

Лёд трещал, образуя глубокие трещины, сквозь которые вода просачивалась на поверхность, и снег, смешиваясь с ней, мгновенно превращался в кашу. Зажженные свечи гасли от внезапно поднявшегося ветра. Вода прибывала и прибывала. Река, казалось, стонала.

Пережив страх, смирившись, Людмила перекрестилась и ступила в разжиженный снег.

– Останусь на льду и под лёд уйду, тебя ради, Господи!

Благослови!

В темноту, вслед за Людмилой, направилась Марина.

Женщины разошлись и, соблюдая дистанцию, медленно двигались в сторону места где священник совершал обряд водо-

святия. Лёд под ногами волнообразно двигался и шумно трещал. Воды было уже по щиколотку. Всю дорогу Людмила смотрела под ноги, а когда подняла голову и посмотрела в сторону батюшки с детьми-близнецами, матушкой Марией, прихожанами, сердце её сжалось от волнения. Она остановилась. Протянув руки к небу, взмолилась:

– Господи, подай знамение!!! Знамение жизни! Подай знак, что не уйдут под лёд верующие в тебя!

Чувство просящей было так велико, что её тело с протянутыми вверх руками, непроизвольно наклонилось в сторону верующих, руки дрожали.

– Господи, подай нам немощным, знамение! – повторила она ещё раз.

И вдруг, головной убор батюшки засиял огнём горящих углей. От света исходящего от него, узнавались лица поющих:

«Во Иордане крещающуся Тебе, Господи.

Троическое явися поклонение...»

– Марина, посмотри на головной убор батюшки! Вместо него – горящие угли!

Марина не понимала, о чём говорила подруга.

– Где горит? Что горит? Что ты имеешь в виду?

Догадавшись, что она ничего не видит, Людмила перекрестилась.

Всё поняла! Знамение!!!

– Благодарю тебя Господи! Прости меня! – прошептала она.

И смело зашагала по прибывающей воде к вырубленному на льду кресту, через края которого лилась вода. Батюшка радостным голосом поздравлял всех с праздником, махая мокрой кистью и окропляя всё и вся.

Людмила встала на колени у иордани и набирала воду всем желающим, не чувствуя холода.

Радость праздника переполняла её.

Уходя, домой, она подошла к батюшке.

– Отец Геннадий, я видела... Было знамение...! – с восторгом заговорила она.

– С праздником, тебя Людмила! Ступай, ничего ты не видела!

Иди, иди с Богом!

– С крещением, отец Геннадий! – поцеловав крест, сказала Людмила, смиренно улыбаясь, сохраняя небесную тайну знамения

ДЕБЮТ

Елена Громова
АнапаСтабильность
(эссе)

Сколь многим в этом мире не хватает стабильности. Да и существует ли она вообще? Вокруг всё течёт, всё изменяется, в противном случае и жизнь бы замерла. И ведь именно перемены часто дарят ощущение, что живёшь по-настоящему. Но иногда их боишься.

В мою жизнь глобальные перемены ворвались в 1999 году, когда я поехала в Москву, поступать в Литературный институт. До того я спокойно сидела в своём городе, иногда выходила за порог, на свидание или чтоб найти другую работу. Заочно получала юридическое образование. Мёрзла зимой, гуляла допоздна летом. От всего этого немилосердно разило скукой, однако происходящее казалось естественным и ожидаемым, что и дальше всё будет идти точно так же. А потом случилась Москва, и меня это как-то встряхнуло. Перемены стали валиться одна за другой. Переезд в столицу, знакомство с будущим мужем, общегитие, учёба, работа, театры...

Четыре шестнадцатизэтажных здания, стоящие, словно костяшки домино, почти в самом основании улицы Бориса Галушкина, как мне рассказывали, построили в 1980-ом году к Олимпиаде в Москве. Позднее они превратились в общежития. Жили мы в одном из них. Чтобы дойти до ближайшей станции метро «ВДНХ» требовалось миновать «домик на курьих ножках», как его все называли. Это та самая высотка на подставках, которую видно в нескольких кадрах фильма «Ночной дозор». Затем добраться до пересечения Галушкина с Проспектом Мира и увидеть грозящую небу серпом колхозницу. Её и рабочего как раз демонтировали во времена, когда мы жили в том районе. Ходили слухи, что памятник планируется водрузить на крышу нового музея. Позднее так и случилось. Мы называли этот момент историческим и имели возможность месяца за месяцем наблюдать, как исчезают части тел символов советской эпохи, как остаётся один внутренний каркас, напоминающий скелет робота. Если предположить, конечно, что у роботов есть скелеты. У меня сохранились фотографии на фоне половины памятника, а также снимки, где на заднем плане виден один только скелет.

Проспект Мира вёл нас к метро и, спускаясь, мы попадали на оранжевую ветку, чтобы нырнуть

с помощью неё в самое сердце Садового кольца. Театры столицы каждый день предлагали насладиться историями людей, чья жизненная нестабильность вдохновляла драматургов.

На этом отрезке оранжевой ветки, от «ВДНХ» до пересечения с Кольцевой, мы нередко видели в вагонах подземки одно и то же лицо. Молодой парень, высокий, худощавый, наверное, даже симпатичный, если б только кто оценивал его внешность. Узнавали мы парня не по лицу и даже не по голосу, хотя едва лишь он входил в вагон, то сразу начинал говорить. В любое время года этот незнакомый знакомец надевал на себя майку-алкоголичку или футболку, дабы все вокруг могли убедиться, что у парня отсутствуют обе руки.

Москва быстро учит забывать о гуманизме и человеколюбии, и желание «подать на пропитание» меняется на стремление пройти мимо. Все знают, что вокруг много обделённых, убогих и увечных. Все они просят помощи, но от этого так разит подпольным бизнесом, что большинство, несмотря на весь свой альтруизм, участвовать в этом отказывается.

Парень начинал своё обращение к сердечным людям со слов: «Я живу один...», а дальше просил монетку.

В то время я предпочитала нырять в объёты Садового кольца со своим будущим мужем. И он шептал мне на ухо, забывая сердечность показным равнодушием:

– Да не один он живёт.

– Почему ты так думаешь?

– Ну посмотри, одет хорошо, ухожен.

Понятия о мужской ухоженности у меня в те времена имелись весьма относительные. Я ещё не повесила на плечи богатый опыт совместной с кем-то жизни. Но парень действительно выглядел не измученным бытом. И какие-то помощники у него несомненно были. В метро, наверное, тоже. Где-то же он оставлял верхнюю

одежду перед тем, как пойти по вагонам.

Я никогда не давала безрукому денег, хотя считаю, что временами следует придерживаться принципа: «Просящему – дай». Моё человеколюбие осталось на холодных улочках Санкт-Петербурга, где я жила недолго перед тем, как уехать в Москву. Свернув однажды на одну из улиц Северной столицы, широкую и странно пустынную, я увидела взлетающую ввысь горсть монет. У стены сидела бабулька. Всегда удивляюсь, как они вот так прилипают на несколько часов прямо к земле даже в жуткие холода, и сидят, сидят... Монеты посыпались на брусчатку, а бабулька заметила меня и пояснила:

– А чего? Мне одну мелочь накладали.

Конечно... Как любила говорить моя тётка: «Нищим подают не из жалости – свои грехи замаливают». Возможно, мимо этой просящей в тот день проходили люди с какими-то мизерными грехами.

А ещё однажды в Ижевске, городе, где я родилась и жила до Санкт-Петербурга я встала на улице в очередь к торговке фруктами. Передо мной бесцеремонно влез мужичок из тех, кого называют бомжами. На нём криво сидел старый ватник, благоухающий отнюдь не бессмертным творением Коко Шанель. Я не стала спорить, предпочтя отодвинуться в сторону. Денег у меня в кармане хватало ровно на один банан, хотелось перекусить и бежать по делам дальше. Но мужичок не ждал подачи на пропитание. Он влез впереди меня, чтобы купить большую гроздь винограда. Когда он взял её с лотка и положил на весы, продавщица оценивающе глянула на неубедительного клиента и проговорила:

– Ты знаешь, сколько это стоит? Мужичок подбоченился и мотнул головой в сторону лестницы, ведущей к Центральной площади:

– А ты знаешь, сколько я здесь зарабатываю?

Выходит, что часть моего человеколюбия осталась ещё там, в Ижевске.

В общем, не только Москва выбивает из людей мысли об оказании помощи всем просящим. Парень с оранжевой ветки вызывал у меня сочувствие, но вместе с ним в вагон врывался запах нелегитимного бизнеса, и я опускала глаза, когда нуждающийся проходил мимо.

Поезд метро ехал дальше, оставлял позади стык с Кольцевой, останавливался на Сухаревской.

– Сухаревская, – говорил мне на ухо будущий муж. Вероятно, ему нравилось представлять гипотетическую станцию метро, названную в его честь.

Парень исчезал где-то здесь. Во всяком случае, дальше Сухаревской вниз по карте я его никогда не видела. А мы доезжали до пункта назначения, шли в театр, забывали о переменах, какие принёс истекающий день.

2003 год плавно перетёк в 2004-ый. Парень без рук всё так же ходил по своему отрезку оранжевой ветки, а мы пользовались поездами метро, лишь когда выбирались в центр. Сходить на выставку, в музей или послушать органную музыку.

Перемены продолжали валиться на меня лачками. Я вышла замуж за обладателя фамилии, созвучной той, в честь которой называли одну из станций подземки. Мы уехали в Подмоскovie, а потом и вовсе перебрались в маленький городок ближе к окраине России.

Много мотались по съёмным квартирам, и от всего этого тянуло такой нестабильностью, что расслабиться не удавалось. Я рожала детей, писала прозу, собирала вещи для очередного переезда, разбирала их на новом, временном месте жительства. А иногда приезжала в Москву, по делам или отдохнуть.

Летом 2015 года я на три дня поселилась в хостеле на Рижском вокзале. Нет, не около, а именно на самом вокзале. В старом кра-

сивом здании тогда располагалась эта гостиница. А станция метро «Рижская» находится на оранжевой ветке, как раз между «ВДНХ» и «Сухаревской».

Июньским вечером я возвращалась из театра. В вагоне кроме меня находилось всего несколько человек. Пальцев хватит, чтоб пересчитать. Я смотрела в пол на шляпку гвоздя, осмысливала просмотренный спектакль и тут услышала голос:

– Люди добрые, помогите. Я живу один...

Я узнала его сразу. Не по лицу и не по голосу, а по отсутствию обеих рук. Впрочем, лицо и голос изменились, парень возмужал. Его голова с короткой стрижкой сидела на более толстой, чем прежде, шее, крепилась к более широкому телу. И животик начал обрисовываться под майкой-алкоголичкой. И голос стал более хриплым, тяжёлым. Однако в нём, как и раньше, отсутствовали просящие нотки. Безрукий не просил. Ни тогда, ни сейчас. Он просто рассказывал о себе. Чеканил текст, повторённый наверняка уже не меньше миллиона раз за прошедшие годы. И он всё так же ходил по этому отрезку оранжевой ветки.

Увиденное показалось воплощением самой стабильности. Некоторые вещи не меняются, ведь так? Есть то, что способно оставаться прежним долгие годы, а то и века: характеры глупых людей, полотна великих мастеров, способы деления у простейших. Не изменилось и моё отношение к заповеди: «Просящему – дай». Я, как и раньше, считала, что это в общем-то правильно, но подавала редко. Не подала и сейчас. Зато задумалась о том, увижу ли ту же картину, если приеду в Москву через десять лет, двадцать...

Мне бы даже хотелось, чтоб и тогда этот парень продолжал так же ходить по вагонам, ведь это будет означать торжество неких устойчивых вещей в мире, как бы цинично это не звучало. А ещё то, что у парня всё хорошо. Он жив, здоров, сыт, одет. И помощники у него есть, и живёт не один. И без моего альтруизма неплохо обходится. Как обходится без альтруизма многих сознательных людей незаконной столичной бизнес.

Какая-то странная мечта: пусть у всех всё будет хорошо, а я постою в сторонке. Но кто сказал, что мечты не должны отличаться странностями?

ПОЭЗИЯ

Лариса ДОВГАЯ,
Новороссийск

Прощайте же...

*Памяти ушедших в небо 25 декабря
2016 года над Черным морем*

Прощайте же, прощайте же,
Уходим навсегда,
Под крыльями под нашими
Холодная вода,
Но песня продолжается,
И светел дальний путь,
Душа восходит странницей,
Чтоб небо распахнуть.

Прощайте же, прощайте же,
Уходим мы в полет
С земли любимой краешка
В рассветный небосвод.
Пусть чайки неуёмные
Кричат у кромки бед,
Где волны моря Чёрного,
Где наш потерян след.

В небесном уповании
Земное отряхнуть!
На дальней задание
Уходим в новый путь.
Прощайте же, прощайте же,
Уходим навсегда,
Над головами нашими
Скорбящая звезда...

В этот миг

Памяти Героя России Андрея Туркина

В этот миг прорывается крик,
И не знаешь в разверзшейся бездне,
Где призванье небес, где возмездье, –
Бьется сердце твое в перекрестье
В этот миг, в этот миг, в этот миг.

Этот миг жизнь пробьёт напрямик,
Разграничит, где подло, где свято.
Защити! – назначенье солдата.

Все путём, Бог спаси вас, ребята,
В этот миг, в этот миг, в этот миг.

Этот миг наше имя воздвиг
В первый ряд неоконченной битвы.
Да, мы пали, но мы не убиты,
Рядом с вами в бою и в молитве
В этот миг, в этот миг, в этот миг.

У лимана

Звонит тростник... Он пожелтел, иссох,
Он мертв... А жизнь ликует,
Я слышу трепет поцелуя,
Рывок – и сердца раненого вздох.

Лежат пласты тяжелые камней,
Тропа, следы зовут куда-то,
Тростник поёт в огне заката:
В пожаре осени сгорать и мне...

Зима. Зима. Все порастёт быльём.
Следы размокнут, станут глиной.
И только ветер над долиной
Пусть в будущем напомнит о былом.

И кто-то вновь расслышит тихий вскрик,
И обернется: разве ветер?
И боль замолкнет без ответа,
И снова мертвый запоет тростник...

В подочке

Внуку Константину

Скрипы уключин на реке,
Ветер гуляет налегке,
Воды текут на край небес.
Мы поплывем за сизый лес
Снова вдвоём.
Там новых берегов агат,
И в хризолитовый закат
Мы поплывём.

К небу пройдем свою версту,
Путь свой отыщем в дугах струй,
Мы от чужих ушли гулять,
Да подберет речная гладь
Нас по пути.

Мы взяли труд вперед идти,
Боль отстает, и посмотри, –
Все позади.

Берег в серебряных ветвях,
В темных камнях остался страх,
Мы заслужили покой сейчас.
Ты расправляй любимых глаз
Горький прищур.
После беды легки слова,
Тех, кто не ждал, кто предавал, –
Я отпущу.

Превозмогли мы жесткий бой,
Столь подходящие с тобой,
Я нашу радость берегла.
В ясных цветочках берега,
Всплески весла,
Черный овраг порос травой...
Так улыбнись же, мальчик мой, –
Снова весна.

Скрипы уключин на реке,
Ветер гуляет налегке,
Мы поплывем
Снова вдвоём...

Сквозь все

Летом ночь легка, и рассветный мёд
Заливает плес, золотит покос...
А в душе болит, а в душе плывет
Сквозь года и сны призрачность берёз.

Родина в душе, родина болит,
И опять встает роковой вопрос,
В наших душах ложь горшей из планид,
Излечи, развеи, призрачность берё.

Верность от земли – этот непокой,
Верность до креста – я великоросс...
Лебедью плывет церковь над рекой –
Сохрани ее, призрачность берёз!

Путь нам предстоит трудный впереди,
Разве не слышать порубежных гроз?
И в немую даль будем уходить,
Осени же нас, призрачность берёз...

Колыбельная

Ночь наш лучший друг,
Спи, хороший мой,
Встанешь поутру, –
Будет день иной.

Боль уходит прочь,
Только руку тронь, –
Поплывет сквозь ночь
Лодочка-ладонь.

Только я и ты,
С нами тишина,
Травы и цветы,
Спутница Луна,

Дальних городов
Поплывут огни
В звездный хоровод...
Мы опять одни.

В том, что я с тобой
Нашей нет вины,
На любовь и боль
Мы обречены.

Туч прорвется круг,
Только подожди,
Стороной пройдут
Стылые дожди.

А тепло руки
В мягких волосах,
Я коснусь щеки,
Я коснусь виска.

Чай из горьких трав
Стынет на столе,
Будут до утра
Капли на стекле.

Дождь нам нипочем,
Только ты не плачь...
Заскрипит сверчок,
Маленький скрипач,

И обиды прочь
Отойдут, мой друг.
Плачущая ночь.
Маятника стук.

ЛИТО «ТОПОЛЯ» УСТЬ-ЛАБИНСК

Галина Мерцый

Безмолвие в ночи холмов пологих,
На звёздном небе полная луна,
Ряд тополей высоких вдоль дороги
Во власти тайной сказочного сна.

Калины куст, объятый белой дымкой,
И блики звёзд среди ветвистых крон.
Раките под серебряной косынкой,
Над водной гладью снится вещий сон.
И дремлет в камышах усталый ветер,
Чуть слышен горной речки разговор,
Темнеет лес вдали при лунном свете,
В сияньи голубом вершины гор.
Тревожит душу странное волнение –
Чарует ночь природной красотой...
И в час такой приходит вдохновение
Непревзойдённой, светлою строкой.

***

Не плачь, моя душа, не рвись на части...
Расстались мы, о клятвах позабыв.
И не вернуть утраченного счастья.
Был ровным путь...И вот теперь обрыв.
Как одолеть мне спуск крутой, не знаю.
Мечусь, как зверь попавший в западню.
И страх сжимает грудь...И я по краю
Иду навстречу дыму и огню.
А мне бы в небо гордою орлицей
Взлететь и раствориться в синеве,

И умереть, и снова бы родиться
И в прошлое вернуться по весне.
И если б повстречалась я с тобою,
О думах бы поведала своих –
Что счастья на двоих-то больше вдвое
И горя вдвое меньше на двоих...

Сергей Помаз

***

Я зажгёт семь свечей,
Загадал семь желаний,
За тревогой моей –
Больше нету страданий.
Опылавая сгорят,
Мои свечи к утру.
Пока жив буду я –
Ни за что не умру.

***

В одном безмолвии с тобой
Наполнюсь чувственным волнением,
Как реки талою водой,
Как небо запахом весенним.

И в этой тайне мы одни
И нам никто, никто не нужен.
И волокнистые огни
Не прослезятся в наши души.

Ты ближе подойдешь ко мне,
Я обниму тебя целую,

И мы потонем в тишине
Под новолунием июля.

Евгений Петров

***

Мне хочется за гранью представлений
Тянуться к солнцу, к чистым небесам,
В обход известных людям направлений
Показывать дорогу к чудесам,

Ломать непонимания торосы,
Вбирать покоя ледяную гладь...
Нет, не искать ответы на вопросы,
А попросту вопрос не задавать.

На мир смотреть блестящими глазами,
Дышать свободой, спорить тишиной...
Бредут вокруг окольными стезями,
Руками шарят, ищут рай земной

Глухие люди. Может, так и надо.
За поворотом снова поворот...
Там далеко вот этим строчкам рада
Смешная муза. Знает наперёд –

Я вновь по жизни яростно шагаю,
Так широко, как будто по прямой.
Всё та же жизнь. А может быть другая.
Не важно. Знает просто: я – живой.

Наталья Власова

***

Не стану кутаться в меха,
И прятаться в одежде зябко,
Тебя любила без греха,
Тебя любила без оглядки.
Твой голос бархатист и свеж,
Когда-то мы нашлись с тобою,
Меж звёздной пыли и надежд,
Свою любовь к тебе не скрою.
Хочу, чтоб седина у нас,
Переплелась в годах устало,
Огонь сердец в глазах не гас,
И бесконечно было мало!

Надежда Кубряк

***

Душе дарованная муза,
Как от всевышнего привет.
И нет приятней в мире груза,
Носить его десятки лет.
Дорогой шла я не напрасно,
Хоть и терялся музы след.
С годами стало все же ясно
Какой для музы нужен свет!
Живу я, боль превозмогая,
Как в упоительном бреду,
А сердце радуется, зная,
Что я опять к друзьям иду –
Туда, где ценится всё это.
И ветер душу веселя
Несёт туда, где мир поэта
С названьем милым – «Тополя»

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов,
В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова,
В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва),
Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

ул. Красноармейская, д.39, ком.115
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах
<http://sites.google.com/site/sprosia>
и <http://sprosia.narod.ru>

и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Флер-1»

г. Краснодар,

ул. Уральская, 98/2

8(861) 274-10-74

Заказ № 146

Подписано в печать

17.01.2017 г.

по графику в 10.00,

фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров

Цена свободная